

РЕЦЕПЦИЯ КРОССКУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ ВОСТОКА И ЗАПАДА В ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Понятие *Восток* является условным обозначением типологической целостности, альтернативной *Западу*. *Запад* и *Восток* рассматриваются в качестве двух разных типов цивилизации, отличающихся культурными традициями, системами миропонимания, моделями духовности и идентичности. Культуры восточного типа в отличие от западного мира характеризуются большей ролью традиций в социокультурном функционировании. Каноничность и приверженность к традиции составляют основу генотипа восточной культуры и ограничивают активность творческих преобразований, регламентируют развитие художественного творчества, определяют специфику этикета и норм коммуникативных отношений.

В современном информационном обществе процессы модернизации и трансформации в той или иной степени неизбежны во всех социокультурных системах и национальных культурах. В условиях глобализации локальные культуры Запада и Востока выбрали разные способы адаптации к интенсивным социокультурным преобразованиям. По степени реагирования на активные преобразования в мире арабский Восток продолжает оставаться самым консервативным и неподвижным. Устойчивость содержания арабо-мусульманской культуры и значительная роль традиции в накоплении и сохранении социального опыта обеспечиваются благодаря влиятельному статусу религиозных структур в жизнедеятельности государства.

Американский исследователь С. Хантингтон, придававший цивилизации статус надэтнического образования, отождествлял ее с уровнем культурной идентичности, которая определяется как общими объективными элементами, такими как язык, история, религия, обычаи, социальные институты, так и субъективной самоидентификацией людей. Отличительной особенностью глобальной политики современности С. Хантингтон назвал ситуацию столкновения цивилизаций. Он отметил, что в современном мире сосуществуют восемь самодостаточных цивилизаций (западная, мусульманская, китайская, японская, индуистская, православная, латиноамериканская, африканская), на

границах которых отчетливо выявляются несоответствия и контрасты, являющиеся главной причиной соперничества, конфликтов и столкновений. С. Хантингтон назвал дихотомию Восток – Запад мифом, придуманным самим Западом, и считал более уместным вариантом этого определения выражение «Запад и остальные», подразумевая многообразие культурных миров, существенно отличающихся от парадигмы западной цивилизации. «Мир слишком сложен, чтобы его можно было в большинстве случаев просто разделять в экономическом плане на Север и Юг и в культурном на Восток и Запад» [8, с.32].

Неправомерно утверждать о полной полярности, несовместимости и отчужденности Востока и Запада. Историко-культурный опыт человечества свидетельствует об их непрерывном взаимодействии. Размышляя о результатах культурного диалога между Востоком и Западом, Ю.М. Лотман писал, что западная цивилизация, сталкиваясь с восточной в пространстве мировой культуры как с партнером, «прежде всего, пересказывает необычные для нее тексты с помощью метаязыков своей философии или науки» [5, с.588]. Ввиду сложностей адекватного перевода текстов с одного языка культуры на другой они приобретали трансформировавшийся облик и получали иррациональный характер. В итоге, по словам Лотмана, «сложилась парадигма: рациональный Запад и иррациональный Восток (при этом из западной традиции были изъяты и преданы забвению иррациональные концепции, а из восточной – столь обильные в ней рационалистические традиции)» [5, с.588]. Таким образом, западный мир нередко выстраивает свое представление о Востоке в соответствии с привычными, доступными и удобными ему конструктами.

Следы метафоричной интерпретации межкультурного взаимодействия Востока и Запада как двух самостоятельных социокультурных организаций можно обнаружить даже в мифологических реконструкциях. Ранние проявления напряженных отношений между Европой и Азией античные мыслители связывали с похищением Елены Спартанской Парисом – сыном Троянского царя Приама [7, с.198]. Письменные тексты содержат колоритную палитру наблюдений, касающихся этнокультурных особенностей и межкультурных различий многих народов поликультурного мира. Например, во французском героическом эпосе «Песнь о Роланде» нашли отражение элементы конфессионального дискурса, что заметно в восприятии франками-

христианами мусульманской культуры, осмыслении несоответствий и противоречий между идеалами и ценностными предпочтениями разных религий. Упомянутые в тексте многочисленные народы империи Карла Великого (бургунды, баварцы, бретонцы, французы, нормандцы, саксонцы, алеманы и др.) символизируют сплоченность и коллективизм явно идеализируемого христианского государства.

Во взглядах французского гуманиста Мишеля Монтеня отразилось стремление преодолеть господствующие в пространстве культуры Старого Света стереотипы, касающиеся оценки образа жизни неевропейских народов: «у нас, по-видимому, нет другого мерила истинного и разумного, как служащие примерами и образцами мнения и обычаи в нашей стране» [6, с.253–254]. Оправдывая жестокие нравы туземцев Нового Света, живущих под властью законов природы, Монтень подверг суровой критике социокультурную действительность цивилизованных европейцев.

И. Г. Гердер, критикуя европоцентристские взгляды, отрицал идею превосходства Запада и подчеркивал роль наследия Востока в становлении и развитии европейской культуры. Рассуждая о роли еврейского народа в истории культуры человечества, он отметил, что древнееврейская культура послужила «основой для просвещения целого мира» посредством монотеистической системы, повлиявшей на становление христианской и арабомусульманской культуры [2, с.327].

И.-В. Гёте являлся достойным ценителем художественного наследия Древнего Востока, но относил китайские, иудейские, египетские древности к тем феноменам мировой культуры, которые «остаются всего-навсего курьезами» для сознания и эстетического восприятия западного человека [3, с.611]. Он считал, что «познакомиться с ними и познакомить с ними мир было благим делом, но для нашего нравственного и эстетического воспитания от них мало пользы» [3, с.611].

Особенностью социокультурной действительности народов Востока Г. В. Ф. Гегель назвал органическую связь религии с национальностью, отмечая, что в восточных культурах чаще наблюдается единство этнонациональных и конфессиональных отношений, выражающееся в активном распространении определенной религии в рамках государственного образования и непосредственном влиянии ее на жизнедеятельность общества. Он подчеркнул, что результаты переплетения религии и национальности наиболее ощутимы на Ближнем Востоке, в ареале

распространения ислама и иудаизма. Гегель утверждал, что на обширной территории Востока, несмотря на различия в географических и климатических условиях, сформировалось типичное восприятие мира, ставшее основой единой культуры, противостоявшей культуре Запада. Истоки индивидуальности и жизненной самостоятельности арабских племен Гегель объяснял следующим образом: «Живя в пустынях, в бесконечном море своих равнин, имея лишь чистое небо над собой, они полагались в этой природе на собственную храбрость, силу своего кулака и на средства своего самосохранения – на верблюда, коня, копье и меч» [1, с.462]. Именно поэтому, по мнению Гегеля, в арабском темпераменте и типичном стиле коммуникативного поведения одновременно перемежаются верная дружба, гостеприимство, возвышенное благородство с безграничным наслаждением мстостью и неугасимым злопамятством.

Характеризуя народы Востока, И. Кант пытался установить их соответствие темпераментам европейцев в зависимости от степени и динамики проявления чувств и эмоций. Отмечая гостеприимность, великодушие и правдивость, И. Кант назвал араба «самым благородным человеком на Востоке». Беря во внимание факт присутствия в коммуникативной действительности арабов элементов необычного и черт причудливого, их горячее воображение, обуславливающее восприятие вещей в «неестественном и искаженном свете», И. Кант видел в них «испанцев Востока» [4, с.178]. Персов он отождествлял с «французами Азии», что выражается в их способности к поэтическому творчеству, вежливости и обладании довольно тонким вкусом, отсутствии строгой привязанности к религии и непоследовательности в исповедании ислама, склонности к свободному истолкованию Корана, неустойчивости нравов и пристрастию к веселью. Явное ощущение твердости, нередко межущей с упрямством, храбрости и презрения к смерти, отсутствие признаков утонченного чувства в японцах позволило И. Канту увидеть в них своеобразный аналог англичан [4, с.178]. Особенностью культуры индийцев и китайцев И. Кант считал чрезмерную гротескность, доходящую до эксцентричности. Это, по его мнению, подтверждается почитаемыми в Индии идолами чудовищной формы, отражающимися в фетишах и амулетах, многочисленными рудиментами тотемистических верований, противоестественными самоистязаниями факиров, странными и

неестественными образами китайских картин, многочисленными церемониями и витиеватыми комплиментами китайцев [4, с.178].

А. С. Хомяков, изучая культурное наследие древности в зависимости от государственного устройства, образа жизни, архетипов и принципов творческой деятельности разных племен и народов, выделил два противоположных духовных начала – земледельческое (иранское) и завоевательное (кушитское), в определенной степени соотносимых с западным и восточным генотипами культуры. В то же время не исключается факт их многопланового взаимодействия, столкновения и смешения, приведшего к разнообразным и непредвидимым результатам, которые в свою очередь подтверждаются этногенезом многих европейских народов и присущим им культурным симбиозом. Смещение народов А. С. Хомяков назвал «тайной сделкой», сопровождающейся взаимными уступками и приобретениями [9, с.109]. Он считал, что противоборство *иранства* и *кушитства* составляет основу мировой культуры, но присутствие элементов *кушитства* в *иранстве* всегда чревато ассимиляцией последнего. Главным достоинством всех кушитских цивилизаций А. С. Хомяков считал силу и устойчивость государственных образований, в то время как иранские цивилизации слабы и нестабильны. По мнению автора, кушитские культуры «менее подвержены внешним воздействиям», сохраняют чувство личной гордости и презрение ко всему чуждому, в то время как иранские культуры «восприимчивее ко всему чуждому», отражают созвучие и гармонию общечеловеческих ценностей [9, с.98].

По определению В. С. Соловьева, древний спор Востока и Запада «достиг до наших дней, и доселе он глубоко разделяет человечество и мешает его правильной жизни» [7, с.198]. Укоренившиеся сложности межкультурного диалога православного и католического миров, взаимную неприязнь Польши и России В. С. Соловьев рассматривал в качестве одной из «исторических форм» этого великого и в то же время пагубного спора, развернувшегося внутри славянского мира. Он неслучайно называл поляков братским по крови, но враждебным по духу народом, заметив, что «дух сильнее крови» [7, с.210].

Белорусский мыслитель начала XX в. И. Абдиралович, рассуждая о степени причастности белорусской культуры к православному и католическому мирам и типичным для них моделям социокультурного функционирования, заметил, что отличительной особенностью истории белорусского народа

является колебание между Западом и Востоком и искренняя нерасположенность ни к одному, ни к другому. Он отмечал, что белорусы не превратились в народ Востока, но и в то же время не приняли культуры Западной Европы.

Обращаясь к рассуждениям С. Хантингтона о существовании пропасти между современными цивилизациями и противоборстве между ними, хочется склониться к тому, что этот конфликт, прежде всего, касается столкновения между «цивилизацией и варварством». Варварство же представляет собой универсальную категорию антикультуры, не сводимую ни к расовым, ни к религиозным общностям. Выстраивая прогнозы развития мировой культуры, С. Хантингтон заметил, что будущее мира зависит от понимания и сотрудничества между политическими, духовными и интеллектуальными лидерами главных мировых цивилизаций [8, с.527]. Но опыт современности позволяет заметить, что судьба мира часто определяется субъективными стечениями обстоятельств и идеологическими тенденциями, ведомыми представителями политической и финансовой элиты.

1. Гегель, Г. В. Ф. Лекции по эстетике: в 2 т. / Г. В. Ф. Гегель. – СПб.: Наука, 1999. – Т. 1. – 622 с.

2. Гердер, И. Г. Идеи к философии истории человечества / И. Г. Гердер. – М.: Наука, 1977. – 703 с.

3. Гёте, И.-В. Страдания юного Вертера. Избирательное сродство. Годы странствий Вильгельма Мейстера, или Отрекающиеся. Новеллы / И.-В. Гёте. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1998. – 750 с.

4. Кант, И. Сочинения: в 6 т. / И. Кант. – Т.2. – М.: Мысль, 1964. – 511 с.

5. Лотман, Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство, 2000. – 704 с.

6. Монтень, М. Опыты: в 3 кн. / М. Монтень. – СПб.: Кристалл, Респекс, 1998. – Кн. 1–2. – 960 с.

7. Соловьев, В. Великий спор и христианская политика / В. Соловьев // Византизм и славянство. Великий спор. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 736 с.

8. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2006. – 571 с.

9. Хомяков, А. С. Сочинения: в 2 т. / А. С. Хомяков. – М.: Медиум, 1994. – Т. 1. – 590 с.